

АНДРЕА КАМИЛЛЕРИ

ЖАРКИЙ АВГУСТ

Перевод Е. Степанцовой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Спал он без задних ног, из пушки не разбудишь. Точнее, из пушки-то не разбудишь, а вот телефонным звонком — запросто.

Тот, кому выпало в нынешнее время жить в цивилизованной стране вроде нашей (ха-ха), если и услышит сквозь сон пушечную канонаду, наверняка решит, что это гром, праздничный фейерверк в честь святого-покровителя или придурки соседи сверху двигают мебель, и будет преспокойно дрыхнуть дальше. Но телефонный звонок, пиликанье мобильного или когда трезвонят в дверь — тут уж нет, это могучий призыв, при звуках которого человеку цивилизованному (ха-ха) ничего не остается, как всплыть из глубин сна и отреагировать.

Так что Монтальбано встал с кровати, посмотрел на часы, глянул в окно, понял, что денек обещает быть жарким, и двинулся в столовую, где отчаянно надрывался телефон.

— Сальво, где ты был? Я полчаса уже названиваю!

— Извини, Ливия, душ принимал, не слышал.

Первое вранье за сегодняшний день.

И зачем он так сказал? Стыдно было признаться Ливии, что заспался, или не хотел, чтобы она огорчалась, что его разбудила? Бог его знает.

— Ты съездил уже, посмотрел домик?

— Ливия, ты чего! Еще только восемь!

— Ох, прости, мне так не терпится узнать, подходит он или нет...

Вся эта история закрутилась с полмесяца назад, когда ему пришлось сообщить Ливии, что в первой половине августа ему не светит отлучиться из Вигаты, как они планировали, потому что Мими Ауджелло пришлось сдвинуть отпуск из-за непредвиденных осложнений с тестем и тещей. Известие оказалось не таким сокрушительным, как он опасался. Ливия нежно любила как Бебу, жену Мими, так и самого Мими. Она посоветовала, конечно, куда ж без этого, и Монтальбано уже понадеялся, что тем дело и кончится. Не тут-то было! Буквально на следующий вечер при созвоне Ливия выдала неожиданную идею:

— Срочно найди дом где-нибудь поблизости — две спальни и гостиная, прямо на море.

— Не понял. Зачем нам уезжать из Маринеллы?

— Каким ты умеешь быть дураком, Сальво, когда придуриваешься! Я говорила про дом для Лауры с мужем и ребенком.

Лаура была закадычной подругой Ливии, которой та поверяла как на духу все свои милые (и не слишком милые) секретки.

— Они приедут сюда?

— Да. А ты что, против?

— Вовсе нет, ты же знаешь, мне Лаура с мужем всегда нравились, но...

— Какое еще «но»?

Тьфу, пропасть!

— Я надеялся, что мы сможем наконец почаще уединяться...

— Ха-ха-ха!

Хохот ведьмы из «Белоснежки и семи гномов».

— Что ты смеешься?

— Потому что ты сам прекрасно знаешь, что уединяться буду я одна, тогда как ты будешь дневать и ночевать в управлении в обнимку с очередным трупом!

— Брось, Ливия, тут в августе такая жарница, что даже убийцы взяли перерыв до осени.

— Это шутка юмора? Мне начинать смеяться?

С этого разговора с помощью Катареллы — не сказать, чтобы бесценной, — и начались долгие поиски.

— Синьор комиссар, есть жилплощадь, прям в тютельку как вам потребная, в местечке Пеццодипане.

— Да ведь Пеццодипане в десяти километрах от моря!

— Так-то оно так, зато там заливной пруд!

Было и такое:

— Ливия, я тут нашел милейшую квартиру в одном жилом комплексе в районе...

— Квартирку?! Я же тебе ясно сказала: дом.

— А квартирка тебе чем не дом? Это что — палатка?

— Нет, квартирка — не дом. Это вы, сицилийцы, вечно валите все в кучу и называете квартиру домом, а когда я говорю «дом», я имею в виду дом. Как тебе сказать точнее? Отдельно стоящая вилла на одну семью.

В вигатских агентствах недвижимости его подняли на смех:

— Вы шестнадцатого июля хотите найти домик у моря к первому августа? Да все уже сдано!

Впрочем, комиссару велели оставить свой телефон: если вдруг в последнюю минуту кто-то откажется, ему перезвонят. И чудо свершилось — как раз тогда, когда он потерял уже всякую надежду.

— Алло, комиссар Монтальбано? Это из агентства «Аврора». Освободился домик — как раз такой, как вы искали. В Марина-ди-Монтереале, местечко Пиццо. Только приезжайте прямо сейчас, а то мы закрываемся.

Он оборвал допрос на полуслове и рванул в агентство. Судя по фотографиям, это было именно то, чего хотела Ливия. С владельцем агентства синьором Калларой они условились, что на сле-

дующее утро, часам к девяти, из агентства за ним заедут и отвезут его взглянуть на домик, который находился вблизи Монтереале, в каких-то десяти километрах от Маринеллы.

Монтальбано подумал, что десять километров до Монтереале в разгар летнего сезона могут означать как пять минут, так и два часа — в зависимости от пробок. Ничего не попишешь, на полном безрыбье Ливии с Лаурой надо радоваться и этому.

Едва комиссар сел в машину, как синьор Каллара открыл рот и больше уже не закрывал. Начал он с недавних событий, рассказав во всех подробностях, как некий Яколино, служащий из Кремоны, снял дом и внес полагающийся задаток. Но буквально накануне вечером этот Яколино позвонил в агентство и сказал, что мать его жены попала в аварию, в связи с чем они из Кремоны никуда не поедут. Потому-то из агентства и позвонили ему, Монтальбано.

Затем синьор Каллара переключился на дела давно минувшие, а именно: поведал, опять-таки во всех деталях, как и почему этот дом построили.

— Лет эдак шесть назад один клиент лет семидесяти, а звали его Анджело Спечале, урожденный монтереалец, проработавший всю жизнь в Германии, решил построить себе домик, чтобы

поселиться там с женой-немкой, вернувшись на старости лет в родные края. Упомянутая жена-немка, а звали ее Гудрун, была вдовой с двадцатилетним сыном, которого звали Ральф. Пока все понятно? Хорошо. Приехав в Монтереале вдвоем с пасынком Ральфом, Анджело Спечале целый месяц искал подходящее место, наконец нашел, торговал, заказал себе проект у застройщика Спиталери и год с лишним ждал, пока будут закончены работы. Ральф все это время был при нем.

Затем им пришла пора возвращаться в Германию, чтобы перевезти в Монтереале мебель и все такое. Однако вышла странная штука. Поскольку Анджело Спечале самолетам не доверял, поехали они поездом. Но, прибыв на вокзал города Кельна, синьор Спечале не обнаружил на верхней полке ехавшего с ним пасынка. Чемодан Ральфа остался в купе, а его самого и след простыл. По словам проводника из ночной смены, на другой станции он тоже не выходил. Короче говоря, Ральф пропал.

— Потом его нашли?

— Да куда там, дорогой комиссар! С тех пор про парнишку ни слуху ни духу.

— А синьор Спечале сюда перебрался?

— Вот тут-то и вся соль! По возвращении в Кельн месяца не прошло, как бедный синьор Спечале упал с лестницы, ударился головой и умер, сердешный.

— А что же синьора Гудрун, дважды вдова? Так сюда и не переехала?

— Да что ж ей тут делать, горемыке, без мужа и без сына? Три года назад она нам позвонила, велела сдавать дом. Вот мы три года его и сдаем, но только летом.

— А в остальное время — нет?

— Уж очень он на отшибе, комиссар. Да вы сами увидите.

Дом и впрямь стоял на отшибе. Вверх от шоссе шла проселочная дорога, вдоль которой стояло всего три строения: один домишко совсем простецкий, второй — чуть попримечнее и в самом конце — искомый домик. Вокруг ни деревца, ни кустика, земля выжжена солнцем. Но стоило добраться до последнего дома, стоявшего на вершине высокой дюны, как все разом менялось. Какая же красота! Внизу в обе стороны тянулся золотистый песчаный пляж с редкими вкраплениями зонтиков, а прямо перед тобой — распахнутое во всю ширь сияющее, манящее море. В одноэтажном домике было как раз две спальни: одна — большая супружеская, вторая — поменьше, с детской кроваткой; гостиная с прямоугольными окнами, вмещавшими в себя море и небо, нашелся там и телевизор. Просторная кухня с огромным холодильником. Целых два санузла. И бесценная деталь — терраса, где так приятно поужинать вечером.

— Годится, — заявил комиссар. — Сколько просите?

— Смотрите сами, комиссар, мы вот так, на две недели, обычно не сдаем, но только ради вас... — И загнул совершенно безбожную сумму.

Монтальбано и глазом не моргнул: Лаура была женщиной состоятельной, ей вполне по карману поддержать материально бедный юг.

— Годится, — повторил он.

Видя такое дело, синьор Каллара, считавший себя ловкачом, решил поднять ставки:

— В эту цену, разумеется, не входят...

— В эту цену, разумеется, входит все, — отрезал Монтальбано, не желавший, чтобы его принимали за простака.

— Ну ладно, как скажете.

— А как спуститься на пляж?

— Смотрите: выходите с террасы через калитку, и через десять метров — туфовая лестница, по ней и спуститесь. Там пятьдесят ступенек.

— Не подождете меня полчасака?

Синьор Каллара посмотрел на него огоршенно:

— Ну разве что полчасака...

От души поплавать в манящем море Монтальбано не терпелось с той самой минуты, как он его увидел. Он искупался прямо в трусах.

На обратном пути, не успев одолеть пятьдесят ступенек, как уже обсох на солнце.

В первый день августа с самого утра Монтальбано отправился в аэропорт Пунта-Раизи — встречать Ливию, Лауру и ее сына Бруно, мальчугана трех лет. Муж Лауры Гвидо должен был приехать поездом вместе с машиной и вещами. Бруно оказался шустрым мальцом, неспособным и двух минут усидеть спокойно. Лауру с Гвидо слегка тревожило, что Бруно до сих пор не говорит и общается только жестами. Каракулей он, в отличие от сверстников, тоже не рисовал, зато в искусстве довести до ручки все мироздание равных ему не было.

Поехали к комиссару в Маринеллу, где Аделина приготовила обед на всю честную компанию. Самой служанки уже не было, она ушла, и Монтальбано знал, что не увидит ее целых две недели, пока Ливия будет у него гостить. Аделина относилась к Ливии с глубочайшей неприязнью — впрочем, целиком и полностью взаимной.

Гвидо прибыл ближе к часу. Они поели, потом быстренько расселись по машинам, и Монтальбано с Ливией поехали впереди, показывая дорогу, а Гвидо с семейством — за ними. Увидев домик, Лаура пришла в такой восторг, что кинулась Монтальбано на шею и расцеловала его. Бруно тоже

жестами показал, что хочет к комиссару на ручки. Едва оказавшись вровень с его лицом, он метко плюнул ему в глаз обсосанным леденцом.

Сошлись на том, что на следующее утро Ливия возьмет машину Сальво (все равно ему на работе полагается служебная), поедет к ним в гости и останется на весь день.

Вечером после работы Монтальбано распорядится отвезти его в Пиццо, чтобы вместе решить, куда пойти поесть.

Комиссара такой расклад более чем устроил: значит, в обед он вполне может навернуть чего-нибудь вкусенького в trattoria у Энцо.

Первая напасть приключилась в домике на третий день утром. Приехав к подруге, Ливия обнаружила там полный кавардак: одежда вытащена на террасу и свалена кучей на стульях, под окнами спальни стоят прислоненные к стене матрасы, по площадке перед входом раскидана кухонная утварь. Голый Бруно бегал со шлангом в руках и щедро поливал одежду, матрасы и простыни. Едва увидев Ливию, он попытался полить и ее, но та уже хорошо его знала и успела увернуться. Лаура возлежала на шезлонге под стенкой террасы с мокрой тряпкой на лбу.

— Что случилось?

— Ты в дом заходила?

— Нет.

— Посмотри отсюда, только дверь не открывай.

Ливия подошла к застекленной двери террасы и заглянула в гостиную.

Первое, что она заметила, — что пол почему-то почернел.

Второе — что пол шевелится, точнее — ползет во все стороны.

Больше Ливия ничего заметить не успела, потому что до нее дошло. Она завопила как оглашенная и выскочила с террасы.

— Там тараканы! Видимо-невидимо!

— Сегодня утром, на рассвете, — пролепетала умирающим голосом Лаура, — я проснулась попить водички и увидела их, но тогда их было еще не так много... Я разбудила Гвидо, мы попытались вынести вещи, а потом просто сдались. Там, в гостиной, щель в полу, они из нее и лезут.

— А Гвидо сейчас где?

— Поехал в Монтереале. Он позвонил мэру, очень славный оказался человек. Скоро должен вернуться.

— Что ж он Сальво не позвонил?

— Сказал, что ему не с руки вызывать полицию по поводу нашествия тараканов.

Гвидо вернулся минут через пятнадцать в сопровождении муниципальной машины, где сидели

четыре дезинсектора с баллонами и швабрами наперевес.

Ливия отвезла Лауру с Бруно к комиссару в Маринеллу, а Гвидо остался в Пиццо руководить дезинсекцией и уборкой дома. К четырем часам пополудни он тоже добрался до Маринеллы.

— Они лезли прямо из той щели в полу. Мы залили туда два полных баллончика, а потом ее заделали.

— А других щелей там не осталось? — спросила Лаура несколько скептически.

— Не переживай, мы тщательно все осмотрели, — заверил ее Гвидо. — Больше такого не повторится. Можно спокойно возвращаться.

— Мало ли почему они повылезали... — подавала голос Ливия.

— Один из тех, кто приехал, объяснил, что прошлой ночью здание, видимо, слегка просело и образовалась эта трещина. Тараканы, которые были внизу, полезли наверх — то ли люди их привлекли, то ли запах еды, поди разбери.

На пятый день случилось второе нашествие. На сей раз не тараканов, а мышей. Лаура, встав, обнаружила в комнате штук пятнадцать мышек — малюсеньких, чем-то даже миленьких. Стоило ей пошевелиться, как они так и брызнули через дверь на террасу. Еще парочку она застала на

кухне за подъеданием хлебных крошек. В отличие от большинства женщин, к мышам Лаура относилась совершенно спокойно. Гвидо опять позвонил мэру, съездил в Монтереале и привез оттуда пару мышеловок, сто граммов сыра качокавалло с перцем и рыжего кота — до того добродушного, что он и ухом не повел, когда Бруно с ходу попытался выколупать ему глаз.

— Как такое может быть? Сначала тараканы, потом мыши... — спросила Ливия у Монтальбано, когда вечером они уже лежали в постели.

Монтальбано с голой Ливией под боком был решительно не в настроении беседовать о мышах.

— Как ни крути, дом целый год пустовал, вот и получилось... — ответил он туманно.

— Значит, перед приездом Лауры надо было там как-то прибраться: потравить, подмести, шваброй туда-сюда...

— Мне это тоже не помешает, — перебил ее Монтальбано.

— Что именно? — озадачилась Ливия.

— Да вот это, «туда-сюда». — И обнял ее.

Третье нашествие случилось на восьмой день. Обнаружила это, как всегда, встававшая первой Лаура. Заметив одного из пришельцев краешком глаза, она взвилась в воздух и, сама не зная как, приземлилась прямиком на сервировочный столик,

крепко зажмурившись. Там, почувствовав себя в относительной безопасности, она, дрожа и обливаясь потом, медленно открыла глаза и посмотрела на пол.

По полу вальяжно прогуливалось штук тридцать пауков, являя собой неплохую иллюстрацию разнообразия видов: один мохнатый и приземистый; второй — наподобие сенокосца, шарик на тонюсеньких ножках; третий — рыжеватый, размером с краба; четвертый — ни дать ни взять зловещая черная вдова...

Лаура философски относилась к тараканам, не питала отвращения к мышам, но при виде паука совершенно теряла голову.

Она страдала тем, что принято называть мудреным словом «арахнофобия», то бишь, выражаясь проще, беспричинной и непреодолимой боязнью пауков.

Волосы у нее на голове зашевелились, она заорала дурным голосом и рухнула в обморок со столика прямо на пол.

Падая, она крепко приложилась головой, разбив ее до крови.

Разбуженный воплем, Гвидо вскочил с кровати и кинулся на помощь жене. Но не заметил Руджеро — так звали кота, — который как раз удирал из кухни, напуганный сперва криком Лауры, а потом грохотом ее упавшего тела.